

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

ВОРОНЕЖСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

— ЧАСТЬ НЕОФИЦІАЛЬНАЯ. —

29 МАРТА. || № 13 || 1915 ГОДА.

Бесѣды пастыря съ пасомыми ¹⁾.

Х.

Судь народовъ.

II.

Въ обычной человѣческой жизни бываютъ такіе моменты, когда всѣ страсти, всѣ желанія затихаютъ, и все вниманіе устремляется къ какому либо одному предмету или явленію...

Такое состояніе испытываютъ и подсудимые, и свидѣтели, и посторонніе слушатели, когда послѣ цѣлаго ряда судебныхъ дознаній и допросовъ, обнажившихъ ужасъ и бездну человѣческаго поденія и преступности, — раздадутся торжественныя слова: „Судъ идетъ“! Тотчасъ затихаютъ

¹⁾ Продолженіе. См. № 12.

разговоры, вниманіе сосредоточивается, глубокая, святая тишина воцаряется въ залѣ... И среди жуткой тишины, какъ безпристрастный молотъ, раздаются слова: „Да, виновенъ“!— „Нѣтъ, не виновенъ!“...

Такое же состояніе испытываютъ временами цѣлыя царства и народы. На безпристрастныхъ вѣсахъ исторіи оцѣнивается и судится ихъ каждый шагъ, каждое движеніе, каждый порывъ души... И здѣсь идетъ судъ, еще болѣе страшный молчаливый и вѣчно судящій!

О, еслибъ мы только могли прислушаться къ безпристрастному голосу исторіи, мы услышали бы грозныя, торжественныя слова.

— „Судъ идетъ“!

Не людской судъ, а Божій! Судъ, который безощадно обножаетъ народное сердце и судить теперь не людей, а цѣлый міръ.

— „Нынѣ судъ міру сему, нынѣ князь міра сего изгнанъ будетъ вонъ“!

Судить не поступки, не дѣянія, а самыя сокровенныя мысли и настроенія, судить всю нашу жизнь, нашу культуру, наше просвѣщеніе, наши идеи жизни, весь нашъ кичливый и кричащій прогрессъ... Гордый умъ человѣческой какъ орудіе князя міра сего, предстоить нынѣ предъ судомъ Божиимъ и истагуется, испытается въ своихъ начинаніяхъ. А за нимъ предстоятъ и всѣ народы, ожидая себѣ приговора...

Еслибъ можно было подняться отъ нашей грустной земли далеко, далеко, туда въ высь голубого неба,—мы бъ увидѣли, какъ страшное, кровавое зарево окутало ее со всѣхъ сторонъ. Мы бъ увидѣли потоки крови, увидѣли бы страшныя поля, усыянныя человѣческими трупами, увидѣли бы, какъ страшныя гранаты и шрапнели, тучи свистящихъ пуль и снарядовъ носятся надъ землею, посылая смерть и разрушенія. Милліоны людей сошлись другъ

предъ другомъ, точно звѣри, выжидая и подкарауливая гибель другому.

Идетъ война. Ужасная, безиримѣрная война. Тысячи людей падаютъ въ какой-нибудь ничтожный часъ. Смерть и разрушенія несетъ отовсюду. Все чѣмъ гордился и славился человѣческой геній,— все принесено туда, на поле брани, все отдано всепожирающему огню смерти. Туда свезено послѣднее слово науки, послѣдній взмахъ искусства человѣческаго, послѣднее богатство и культура.. Человѣкъ силой своего генія покорилъ все: и землю, и море, и огонь и воздухъ.. И все это онъ принесъ туда по великое и страшное закланія... Война идетъ и на землѣ, и подъ землей, и на водѣ, и подъ водой, и въ воздухѣ. Сражаются и отцы и дѣти, юнаши и слабыя дѣвицы,— все отдають себя на защиту своего отечества и своихъ и идеаловъ...

Великъ и могущественъ нашъ противникъ. Многіе годы онъ подготовлялъ свое кровавое дѣло. Вооруженный по послѣднимъ правиламъ военной науки, обладая всеми открытіями современной техники, организованный въ крѣпкую рать желѣзной дисциплиной,—онъ мечтаетъ о своей непобѣдонности и свою убійственную руку простираетъ на обладаніе міромъ.

— Міръ для насъ! Потомки славныхъ тевтоновъ должны покорить себѣ міръ и создать въ немъ истинную культуру. Это міровая задача германскаго народа... На развалинахъ обветшавшей галликанской республики, погибающей въ язвахъ своего похотливаго сердца,—долженъ воспарить непобѣдимой орелъ Германской монархіи и свѣтомъ своей культуры возродить погибающій французскій народъ. А на востокѣ великій русскій медвѣдь долженъ быть отброшенъ за Уралъ, за Волгу, а на привольныхъ черноземныхъ степяхъ и поляхъ насадить свою культуру— нѣмецкій народъ...

— Мы—носители свѣта, носители истинной культуры, наше призваніе—призваніе Божье... Мы должны пересоздать міръ!..

Съ такими намѣреніями и замашками бронированный Императоръ двинулъ свои полки и на востокъ и на западъ.

Задрожала земля... Застоналъ міръ... Полилась потоками кровь... Начался великій и грозный судъ Божій...

И вотъ въ этомъ судѣ обнажились помышленія и со-вѣты сердечныя... Сброшены маски! Не нужны румяна и прекрасы! И явили себя міру народы, каковы они суть!

Страница за страницей развертывается книга жизни народовъ, и читаютъ ее всѣ живущіе на землѣ... И видимъ печальную метаморфозу. То, чѣмъ такъ раньше гордился нѣмецкій народъ, вся ихъ пресловутая культура и обрзо-ванность,—куда то вдругъ исчезла. Все благородство духа, которымъ они такъ раньше гордились и кичились,—оказа-лось пустыми словами, пуфомъ, разлетѣвшимся въ прахъ при малѣйшимъ дуновеніи вѣтра. Вся ихъ цѣнность оказа-лось фальшивымъ двугривеннымъ, покрытымъ амальгамой: слиняла амальгама—и показалася грязная олавяшка. Свѣтъ —оказался ложнымъ. Свѣтъ—оказался тьмой...

А „если свѣтъ, который въ тебѣ—тьма есть, то ка-кая же тьма“! Ужасъ наполняетъ сердце при мысли того, что можетъ сдѣлать образованный и просвѣщенный звѣръ! Не свѣтъ, а тьму и разрушеніе онъ несетъ жизни, не щадя ничего, кромѣ своихъ кровожадныхъ инстинктовъ.

Эту ужасную страницу мы видимъ въ поступкахъ просвищенныхъ нѣмецкихъ варваровъ. Видимъ, что ради своихъ эгоистичныхъ выгодъ они не щадятъ никого и ни-чего. Разрушаютъ беззащитные города, оскверняютъ свя-тыни, грабятъ и убиваютъ мірныхъ жителей, насилуютъ малолѣтнихъ дѣтей, издѣваются надъ чувствомъ стыдливости и любви, глумятся надъ страстью, не знаютъ, жалости ни

къ раненымъ, ни къ умирающимъ, — словомъ, поступаютъ, какъ необузданные и дикіе папуасы и индѣйцы.

Мнѣ не хотѣлось бы раскрывать предъ вашимъ взоромъ эту ужасную страницу варварства просвѣщенныхъ дикарей 20 вѣка, — но долгъ каждого гражданина повелѣваетъ ему клеймомъ позора запечатлѣвать это гнусное издѣвательство надъ человѣчествомъ.

Газеты полны ужасающихъ подробностей этого страшнаго варварства. Что дѣлалось напр., въ Калишѣ, невозможно и представить! Мирныхъ жителей истязали, запирали въ подвалы и тюрьмы, гоняли прикладами, точно скоть, а казначея Соколова, который не отдалъ германцамъ полмиліона русскихъ бумажныхъ денегъ, а сжегъ ихъ, — они безчеловѣчно разстрѣляли. Послѣ этого тамъ же погибли отъ германскихъ пуль два католическихъ ксеидза, одинъ православный священникъ и раввинъ, а также двое горожанъ благодѣлателей (къ свѣту). Въ Сувалкахъ эта германская банда, какъ какіи разбойники, вмѣстѣ съ своими пріѣхавшими женами обходили оставленные дома русскихъ гражданъ и грабила имущество, — что получше забирали, укладывали на подводы и увозили... (Вор. Тел.). Никакого закона, никакой жалости, никакого снисхожденія не знаетъ эта разъяренная, пьяная ватага. Всѣ гарантіи закона, всѣ чувства человѣчности — сложены въ помойныя ямы и потоптаны грязными ногами. Расходившійся зрѣрь не знаетъ ни въ чѣмъ удержки и преградъ. И не чернь только, не солдаты, а и самые просвѣщенные начальники, точно звѣри набрасываются на добычу. Военный корреспондентъ передаетъ, что онъ „только что видѣлъ даму съ оторванными ушами. Прусскій капитанъ, не давъ ей возможности отстегнуть серги, вырвалъ ихъ съ кровью“. Одинъ изъ моихъ друзей, весь потрясенный отъ ужаса и негодованія, рассказываетъ мнѣ: „Сейчасъ показали старика. Его везутъ въ психіатрическую лѣ-

чебницу. Несчастный помѣшался потому, что на его глазахъ солдаты-нѣмцы насильовали его 14-лѣтнюю дочь.

Умиравшія отъ жажды дѣтамъ показывали въ окна вагоновъ и на перронахъ воду и молоко, и когда они тянулись къ нимъ безсильными, трепетными ручонками, отвратительные злодѣи съ хохотомъ били ихъ палками по этимъ рукамъ.

Отнимали ихъ у матерей и бросали въ другіе вагоны.

Плевали въ лица нашимъ дамамъ, хлестали ихъ тростями, кончиками такихъ тыкали имъ въ щеки, въ глаза. И все опять не одна пьяная чернь, а съ нею и почтенные трезвые господа въ золотыхъ очкахъ, вѣроятно, обладающіе всѣми дипломами, какіе выдаютъ тамошніе университеты.

Наши дѣвушки — въ свиныхъ хлѣвахъ и залитыхъ кровью бойняхъ, рабочіе на каторгѣ нѣмѣцкихъ полѣвыхъ работъ, гимназисты, отнятые у родителей и брошенные въ тюрьмы!

А крошечные дѣти, которыхъ гг. лейтенанты, вталкивая ихъ матерей въ вагоны, оставляли на перронахъ. У одной такой отъ ужаса пропала молоко, и она тшетно цѣлуетъ ноги этихъ изверговъ, молила дать ребенку хоть воды. Ее издали дразнили стаканами съ молокомъ и смѣялись. Ребенокъ умеръ а мать сошла съ ума.

Гдѣ найдутся краски для этого ужаса? Клопъ, увеличенный въ безконечное число разъ, до размѣровъ слона, не могъ бы быть кровожаднѣе. Змѣя не злѣе этой разбойничьей шайки, неистовствующей въ странѣ великихъ поэтовъ и ученыхъ, философовъ и гуманистовъ. Прусская каска, прикрывшая отъ неба и его божественнаго свѣта Германію, оскотинила ее. Люди, считавшіе себя полубогами, мощными титанами, когда сосѣди показали, что они не боятся ихъ грубой силы, вдругъ обернулись въ гіенъ, разрывающихъ труны, въ волковъ, пожирающихъ живье.

То, что случилось съ несчастной мученицей г-жой Ту-

гань-Барановской,—сейчасъ для насъ всѣхъ, знавшихъ ее, сплошной кошмаръ. Эти ночи я не сплю, вспоминая нѣжную и милую красавицу, которую мы такъ любовались еще недавно. Господи! Да какъ мы можемъ оскорблять звѣрей, называя тевтонскую гнусность звѣриною злобою. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ Наталья Александровна, моя волосы, была вся обожжена вспыхнувшимъ, кажется, бензиномъ. Бѣдную страдальицу отправили для операціи въ Парижъ. Тамъ ея выздоровленіе шло быстро, и, наконецъ, мѣсяць назадъ ее уже отвезли въ знаменитую лѣчебницу въ Вѣну для пересадки здоровой кожи на пораженныя мѣста лица. Она лежала вся въ перевязкахъ, и вотъ, въ день объявленія войны ее выкинули вонъ, въ скотскій вагонъ; въ немъ послѣ цѣлаго ряда невыносимыхъ страданій, для описанія которыхъ не хватитъ никакихъ красокъ и словъ, затолканную, расшибленную солдатскими сапогами швабовъ, какъ надалѣ оставили у самой границы. Мало этого. Подло издѣваясь надъ ея нечеловѣческими муками, съ нея сорвали—съ живого мяса—всѣ повязки и ранами сунули ее въ грязь. Кто-то подобралъ ее, донесъ до Россіи. Нѣсколько дней назадъ страдальицу доставили въ Петербургъ, къ ея мужу, директору канцеляріи министра путей сообщенія. И вотъ уже нѣсколько сутокъ, какъ она умерла въ невыносимыхъ боляхъ отъ зараженія крови. Что прибавить къ этому? Да, подъ Данцигомъ пьяный лейтенантъ выкинулъ изъ вагона, на забаву своимъ солдатамъ, интеллигентную русскую дѣвушку. Мгновенно съ нея сорвали все, и голую пинками прогнали въ казармы... А раздѣваніе нашихъ женщинъ тѣми же лейтенантами и гаутманами, подъ предлогомъ обыска,—нѣтъ ли гдѣ-нибудь спрятанныхъ документовъ.

Еще ужаснѣе такое издѣвательство: двадцать четыре часа везли одну партію женщинъ къ границѣ. Съ природой не поспоришь: онѣ просились выпустить ихъ, пртому что

въ скотскихъ вагонахъ не было никакихъ приспособлений. Надъ ними смѣялись. Наконецъ, остановили поѣздъ въ полѣ, велѣли имъ выходить, и несчастныхъ окружили солдаты, предлагая исполнять свои надобности подъ хохотъ нѣмцевъ.

Въ газету „Evening News“ сообщаютъ изъ бельгійскаго города Малина, что германскіе солдаты, при взятіи этого города, изувѣчили одну бельгійскую женщину въ то время, когда она кормила своего ребенка, отрубили руки и ноги ея мужу и утопили всѣхъ дѣтей, а затѣмъ зажгли домъ со всѣмъ этимъ семействомъ мучениковъ („Веч. Время“, 1 октября сего года № 894).

Въ одной бельгійской деревушкѣ два нѣмецкихъ офицера поиздѣвавшись надъ молоденькой чистой дѣвушкой отдали ее на то же своимъ деньщикамъ... И бѣдная жертва была замучена до смерти.

На глазахъ матерей пьяные солдаты подбрасывали на штыки крошекъ дѣтей и надъ воплями бѣдныхъ матерей издѣвались дикимъ хохотомъ.

А королеву Люксембургскаго королевства, не желавшую пропустить въ свое царство войска германскія и ставшую въ автомобилѣ поперекъ моста на границѣ своего государства, германскіе офицеры оскорбили дѣйствиємъ, приставивъ къ ея груди револьверъ.

Онъ не приказалъ пропустить чрезъ свою столицу — Берлинъ поѣздъ, въ которомъ слѣдовала чрезъ него Ея Императорское Величество Государыня Императрица Марія Феодоровна, и были подвергнуты крайне грубому обращенію со стороны должностныхъ лицъ Ихъ Императорскія Высочества: Великій Князь Константинъ Константиновичъ, Принцъ Петръ Александровичъ Ольденбургскій, возвращавшіеся на родину изъ германскихъ курортовъ.

Такъ поступали съ лицами Царственныхъ фамилій, а что дѣлалось и дѣлается съ обыкновенными смертными, трудно

и представить. Тысячи русскихъ людей, несчастнымъ случаемъ оставшіеся тамъ въ Германіи, томятся теперь по тюрьмамъ, въ заточеніяхъ и изнурительныхъ работахъ. Разлучены отцы отъ дѣтей, дѣти отъ матерей, жены отъ мужей, — словомъ повторяется то, что было когда то при торговлѣ невольниками. И это въ цивилизованномъ государствѣ...

Казалось бы, что, пусть угнетаютъ людей, святыню то они должны бы щадить. Хоть не во имя святыни, а во имя почтенія къ искусству, къ великимъ трудамъ человѣческаго генія, — но нѣтъ, мы и этого не видимъ. Для осатавѣлаго звѣря нѣтъ ничего святого.

Въ Ченстоховѣ, въ монастырѣ, гдѣ находилась чудотворная икона Божіей Мвтери, съ которой германскіе солдаты сорвали ризу и украшенія, германскими офицерами была устроена пирушка, во время которой они обезчестили множество польскихъ дѣвушекъ и женщинъ.

Въ Сувалкахъ, — въ церкви обращенной „культурными“ нѣмцами въ конюшню.

„Въ алтарѣ, очевидно, происходило пиршество, такъ какъ кругомъ валялись пустыя бутылки изъ-подъ вина, а послѣ оргіи полъ кругомъ былъ загаженъ. На св. престолѣ лежали всевозможныя тряпки, сломанные церковныя часы; видны слѣды отъ вина; лежали вѣнцы со сломанными верхами. Изъ ризъ германцы сдѣлали попоны для своихъ лошадей; подсвѣчники расхищены; одежда съ престола сорвана“.

Есть и еще нѣсколько дѣлъ, леденящихъ душу однимъ упоминаніемъ о нихъ, напр.:

„Въ Кальваріи германцы бросили въ отхожее мѣсто св. Крестъ, Евангеліе и сосуды — чашу и дискось.“

Въ другомъ мѣстѣ германцы вырвали изъ рукъ плѣннаго священника дароносицу и св. Крестъ, бросили ихъ на землю, а Св. Дары рассыпали“.

Это уже не просто дикость и „варварство“, какъ озаглавиваетъ „Новое Время“ замѣтку; это умышленное, наглое, сознательное издѣвательство надъ святынями христіанскими,—это изувѣрство. (Кол.)

Знаменитый Лувенъ, краса и гордость человѣческаго искусства, нарядный, Брюссель, столица несчастной страдалицы Бельгіи,—все сметено въ прахъ. Да что? Даже великую святыню вѣръ и всемірнаго искусства, безцѣнный памятникъ древности, который весь обвѣянъ воспоминаніями великихъ славныхъ эпохъ цвѣтушаго Французскаго королевства,—они не пощадил и эту святыню,—великій Реймскій соборъ. Магметъ II, взявъ Константинополь, на лошади вѣхалъ въ храмъ св. Софіи и приказалъ... что? разрушить храмъ? Нѣтъ! Въ его варварскомъ сердцѣ все же нашлась искра почтенія предъ великимъ—чудомъ искусства... Онъ приказываетъ замазать известкой мазаичныя изображенія и замѣнить крестъ полумѣсяцемъ... И св. Софія и доселѣ живетъ еще въ своей несравненной красотѣ, восхищая и чаруя путешественниковъ...

А германскій императоръ приказалъ разрушить Реймскій соборъ!... Понимаете, христіанскій императоръ, исполняющій иногда обязанности постора на своей яхтѣ, тотъ императоръ, о которомъ кричатъ какъ о всемірномъ геніѣ, разрушаетъ христіанскій великій храмъ!... Увы! его геній оказался геніемъ печальнаго образа! Онъ уподобился страшному Каллигулѣ и безчеловѣчному Нерону, тоже мнившему себя великимъ геніемъ!...

Нѣтъ, послѣ этого злодѣянія никогда уже не удастся вамъ, г.г. нѣмцы, прослыть культурными и просвѣщенными... Тѣнь Реймскаго собора и плачущая бронзовая статуя Жанны Д'Аркъ станетъ между вами, вандалами, и истинными слугителями культуры!...— „Вы разрушили Реймскій соборъ“, — и одного этого достаточно...

Такъ негодуютъ наши сердца. Но что значить это благородное негодованіе разъяренному звѣрю, если ему нужна здоровая палка, или сыромятная плеть? Въ бѣшенствѣ онъ несетъ свое разрушеніе и злобу... Мы недавно читали, какъ онъ покушался и на другую великую святыню, міровое чудо—соборъ Парижской Богоматери... Бомбами, брошенными съ ципеллина, сорвана была часть крыши съ собора, произведенъ пожаръ, который, къ счастью, удалось скоро потушить...

Видимо, воюетъ нѣмецъ не только съ людьми, воюетъ и съ искусствомъ, съ христіанской культурой...

Не подумайте читатель, что это дѣлаютъ сами солдаты. Нѣтъ,—солдаты исполняютъ здѣсь только приказаніе свыше. Если Бисмаркъ еще когда-то находилъ нужнымъ (въ 1870 г.), чтобы побѣдоносное германское воинство оставляя побѣжденнымъ одни „только глаза, чтобы оно могло плакать“, то Вильгельмъ считаетъ теперь и такую уступку не нужной.

На-дняхъ изъ Базеля телеграфируютъ, что Вильгельмъ держалъ такую рѣчь въ Бреславлѣ къ войскамъ второй гвардейской дивизіи, посылаемой на восточный фронтъ—противъ Россіи:

„Господа офицеры и солдаты моей гвардіи. Послѣ безсмертныхъ подвиговъ, которые исторія запишетъ золотыми (?) буквами на свои страницы, въ Бельгіи и Франціи, гдѣ грозные тевтоны показали себя кельтамъ и галламъ, намъ предстоитъ рѣшительная борьба съ завистливой и хитрой Имперіей Востока, угрожающей всему міру. Завѣты моихъ отцовъ исполняются: настаетъ день, когда я долженъ перешагнуть во главѣ моихъ армій Вислу и Нѣманъ и присоединить къ своему царству коронныя земли Польши. Историческая ошибка прежнихъ властителей будетъ исправлена. И это сдѣлаемъ мы.

Мы сражаемся за наши очаги, за наши святыни, за нашего Бога. Горе побѣжденнымъ! Горе имъ, ибо побѣдитель не знаетъ пощады! Вашъ императоръ будетъ съ вами! („Колоколь“, 30 сент. с. г. № 2522).

А объявляя войну Россіи, этотъ „безпощадный“ лжець увѣрялъ своихъ „грозныхъ тевтоновъ“, потрясая въ рукѣ пучкомъ какихъ-то бумагъ, что „Россія напала на Германію самымъ низкимъ образомъ, желая отнять у немцевъ послѣдніе ихъ клочки земли!“...

Уже по этому можно судить, какія у этого „грознаго лжеца и зверя“ „святыни“ и „Богъ!“...

Священникъ *Петръ Сергѣевъ*.

(Продолженіе будетъ).

ЦѢННОСТЬ ДУШИ.

„Какая польза человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ? Или какой выкупъ дастъ человѣкъ за душу свою?“

Господь Иисусъ Христосъ такъ высоко ставилъ цѣнность души, что обезцѣнилъ предъ нею весь міръ со всѣмъ его матеріальнымъ и мірско-духовнымъ богатствомъ.

Цѣнимъ ли мы душу также, осторожно ли съ нею обращаемся, бережемъ ли ее отъ грязи, строимъ ли жизнь согласно ей запросамъ, слѣдуемъ ли ей влеченіемъ?

— Нѣтъ.

Мы продаемъ чистоту души за „чечевичную похлебку“, за клочки и тряпки, за блестящія погремушки.

Душа зоветъ насъ къ небу, къ Богу, а міръ, во злѣ лежащій,—къ землѣ; душа зоветъ насъ къ возвышеннымъ

переживаніямъ духа, а мы всю свою вѣру въ Бога сводимъ къ исполненію лишь одной внѣшней стороны религіи.

Душа нами обезцѣнена, а вмѣстѣ съ обезцѣненіемъ ея теряетъ свою цѣнность и жизнь человѣческая.

Разъ человѣкъ лишился души, души живой, имѣющей постоянное общеніе съ Богомъ, онъ быстро катится внизъ по наклонной плоскости.

А когда лѣсъ рубятъ, тѣ щепки летятъ.

Не похожъ ли современный человѣкъ на разрубленное дерево съ разлетающимися отъ него щепками.

Душа у него расколота, разлетаются лучшія чувства, разсѣваются лучшія мысли, охлаждаются святые порывы, ослабѣваетъ духовная мощь.

И стонетъ душа человѣческая, мечется въ разныя стороны, скорбитъ и страдаетъ, видитъ чертогъ „украшенный“ и не можетъ въ него войти, ибо одежды надлежащей не имѣетъ.

Эта ужасная трагедія духа превращаетъ жизнь человѣка въ сплошную пытку.

Въ поискахъ спасенія душа блуждаетъ по распутьямъ и жадно накидывается на все, что съ виду сулитъ ей возвращеніе въ домъ Отчій.

Но кругомъ разставлены сѣти, кругомъ ложь, обманъ, всюду капканы хищниковъ.

Истерзанная, измученная она часто падаетъ, чтобы больше ужъ не подняться.

Какъ потерявшая цѣнность, она бываетъ, по обыкновенію, никому не нужна, ибо изъ нея извлечено уже все, что нужно міру.

Въ результатъ—полное равнодушіе ко всему, смерть заживо или самоубійство.

Такъ бываетъ всегда, когда человѣкъ зароетъ свой талантъ въ землю, когда имѣющіяся у него цѣнности не пустить въ оборотъ и не увеличить ихъ самолѣтельности.

Также мы поступаемъ и съ душой.

А она, вѣдь, это—первый и самый большой талантъ, данный *каждому* изъ насъ Богомъ.

Ею, живемъ, ею познаемъ Вселенную, ею славимъ Господа, ею видимъ то, чего не видятъ очи физическія, ею любимъ ближняго своего, ею разумѣемъ глубокой смыслъ мірозданья, ею осознаемъ загробную жизнь, ею богатѣемъ въ Бога, ею идемъ впередъ, къ истинному счастью, ею приобретаемъ святія чувства, ею облагораживаемъ землю, ею вдохновляемся, ею устрояемъ Царство Божіе и, наконецъ, ею же входимъ въ Царство Небесное.

Вотъ какую великую цѣнность имѣетъ душа.

Не будемъ же легкомысленны и не станемъ расточать даннаго намъ таланта, не размѣняемъ его на ничтожныя житейскія мелочи, не загубимъ его въ повседневной суетѣ; не оскорбимъ души пошлостью и не будемъ питать ее ложномудрствованіемъ, но вѣрю въ Бога, Создавшаго ее.

Содѣлаемъ для нея одежду свѣтлую, чтобы войти намъ на брачный пиръ Царскаго Сына и раздѣлить радость свою съ тѣми, кто отъ юности возлюбилъ Христа, кто ученіе Его воспринялъ въ сердце своемъ, кто исполненіи заповѣдей Его увидѣлъ единственный путь къ возрожденію человечества. И прежде всего познаемъ цѣнность души,—цѣнность единственно святого богатства.

То, что для насъ имѣетъ цѣну, мы хранимъ въ самыхъ сокровенныхъ мѣстахъ.

Такъ будемъ же хранить и душу, да не похитятъ ее у насъ излишнія мірскія заботы и не лишатъ насъ сущности жизни.

Человѣкъ! если душа у тебя еще есть, если она еще жива,—ты счастливъ, какъ бы тебѣ тяжело не жилось, потому что съ тобою, Создавшій твою душу, Который позаботится о ней.

Но горе тебѣ, если, отвернувшись отъ Бога, потеряешь душу свою.

Ужасная пропасть разверзется предъ тобою и ты скатишься въ нее,—въ бездну мрака, лишишься блаженства въ вѣчной жизни, потеряешь для тебя смыслъ и жизнь земная.

В. Бахметьевъ.

Крестъ на войнѣ

Богослуженіе.

Совершать службу на походѣ далеко не всегда бываетъ легко, рассказываетъ членъ Государственной Думы протоіерей Ф. Д. Филоненко, дивизионный благочинный, работающій въ центрѣ нашего расположенія. <9 августа я прибылъ полкъ и до 29-го не могъ раскрыть своего церковнаго ящика съ образами и облаченіемъ: все время мы были въ движеніи.

29 августа была первая дневка. Пришли ночью. Утромъ собрались отслужить панихиду по убитымъ и молебень о дорованіи побѣды. >Въ облаченіи я повернулся къ молящимся, чтобы сказать всего нѣсколько словъ—и вынужденъ былъ сказать цѣлую проповѣдь: мои слушатели—и офицеры и солдаты, такъ жадно привыкли къ слову, что я былъ совершенно захваченъ этой жаждой и ограничиться нѣсколькими словами было невозможно. Молились горячо. Пѣли любители изъ солдатъ, а нѣкоторыя пѣснопѣнія—„Со святыми упокой“, на примѣръ, или „Вѣчная память“—подхватывалъ тысячеголосый хоръ.

<30-го утромъ я служилъ литургію. Походнаго храма-палатки у меня нѣтъ и храмомъ служить то „стодоль“ (рига, клуня), то дерево съ шатромъ своихъ вѣтвей, то

халуна. Службу пришлось совершать на этотъ разъ подъ деревомъ. Солдаты съ большой готовностью и любовью соорудили навѣсъ, прикрѣпивъ къ вѣтвямъ дерева еловые вѣтки. Образа и мое облаченіе были прикрыты отъ дождя, а богомольцы мои всю службу съ непокрытыми головами простояли подъ дождемъ. Иконы были установлены на нижнихъ сучьяхъ дерева и тамъ же прикрѣплены зажженные восковыя свѣчи. Очень ихъ любятъ солдаты. Ставятъ съ огромнымъ усердіемъ и огорчаются, когда запасъ ихъ бываетъ исчерпанъ.

Я просилъ военное начальство не принуждать солдатъ къ носѣщенію службы. Но уклоняющихся не было. Скажу болѣе: среди солдатъ той части, гдѣ я служу, много южанъ — херсонцевъ, тавричанъ, кіевлянъ. Въ этихъ губерніяхъ сильно распространено сектантство. Однако, я не видѣлъ сектантскихъ проявленій въ войскахъ. Никто не уклонялся отъ того, чтобы подойти приложиться ко Кресту и Евангелію, никто не отказывался отъ исповѣди и причастія. Пользуясь службой, я раздавалъ крестики, евангелія, образки, религіозныя книжки: брали всѣ очень охотно, а если на всѣхъ не хватало, то не получившіе обязательно потомъ приходили ко мнѣ и просили дать и имъ.

Наканунъ Рождества всенощную пришлось совершать въ пустой халупѣ. Она стояла неподалеку, около полуразрушеннаго помѣщичьяго дома, который Австрійцы считали совсѣмъ разбитымъ. Но одна половина его уцѣлѣла и въ ней жили офицеры. Солдаты убрали халупу елочками, поставили образа, и очень стройно пропѣли всенощную. „Рождество Твое, Христе Боже нашъ“ подхватила вся масса молившихся солдатъ, плотно обступившихъ халупу. По окончаніи всенощной всѣ снова пропѣли тропарь праздника, потомъ „Боже, Царя храни“ и закончили такимъ бодрымъ ура, что должно быть и въ австрійскихъ окопахъ, находив-

шихся отъ насъ въ верстахъ въ пяти, было слышно. По крайней мѣрѣ ихъ прожекторы стали ошупывать мѣстность и взвилось нѣсколько свѣтящихся ракетъ, но стрѣлять они не стали.

Нѣсколько времени спустя эта халупа была разнесена въ щепы австрійскими снарядами, причемъ погибло четверо солдатъ.

(Черезъ день мы обшли съ молитвой окопы.) Встрѣтили насъ съ величайшей радостью. Я шелъ въ епитрахили съ радостью. Кучка солдатъ—человѣкъ десять—исполняла обязанности пѣвчихъ. Пѣніе тропаря „Рождество Твое...“ подхватывали всѣ и пѣли съ такимъ воодушленіемъ, что приходилось останавливать, чтобы пѣли тише: Австрійцы на звуки пѣснопѣній направляли выстрѣлы.

— У насъ на Руси обычай теперь обходить дома съ молитвой: вотъ и я къ вамъ пришелъ—говорю я солдатамъ.

— Покорнѣйше благодаримъ, батюшка, спасибо, благословите...

Никто не отошелъ въ сторону: всѣ подошли ко кресту, и каждый хотѣлъ сказать, а главное услышать нѣсколько словъ.

Послѣ посѣщенія окоповъ я замѣтилъ особое проявленіе близости, довѣрія и вниманія и со стороны офицеровъ и солдатъ.

Общая исповѣдь

(При большомъ числѣ людей и краткости времени, какое бываетъ въ распоряженіи священника, единоличная исповѣдь весьма затруднительна. Практикуется общая исповѣдь.) Устраивается это такъ: во время литургіи, когда причащается священникъ, гавельщикамъ читаются молитвы передъ исповѣдью. Затѣмъ я обращаюсь къ нимъ съ краткимъ поясненіемъ смысла совершаемаго таинства, читаю молитву и на-

чинаю, называя грѣхи, ставить вопросъ: каетесь ли? Спрашиваю сперва о самыхъ обычныхъ грѣхахъ—не почтеніе къ родителямъ и т. п. перехожу къ болѣе глубокимъ и наконецъ къ грѣхамъ, связаннымъ съ военной обстановкой. Сперва слышны спокойные отвѣты: каемся. Потомъ настроеніе повышается, слышно волненіе въ звукахъ голосовъ сверкаютъ слезы на глазахъ, наконецъ раздаются всхлипыванія и даже рыданія.

Закончивъ вопросы, я поднимаю надъ исповѣдывающимися епитрахиль. Вся масса какъ одинъ человекъ опускается на колѣни безъ всякаго приглашенія, я читаю разрѣшительную молитву и причащаю всѣхъ. Подходятъ съ большимъ благоговѣніемъ, уходятъ отъ причастія умиленные и спокойные. Это замѣтилъ не только я, но все военное начальство.

Помимо общей исповѣди многіе обращаются съ просьбой поисповѣдывать ихъ отдѣльно. Особенное изобиліе такихъ исповѣдниковъ у одного недавно назначеннаго къ намъ священника, служившаго раньше въ селѣ. Когда онъ появился, кое-кто изъ офицеровъ, а въ особенности докторскій персоналъ, посмотрѣли на него косо, и приходилось слышать замѣчанія—зачѣмъ назначаютъ въ армію такихъ ужъ слишкомъ „сѣрыхъ“ священниковъ. Но прошло немного времени—и стали говорить другое: около этого батюшки постоянный солдатскій муравейникъ. Возится онъ съ солдатами съ утра до ночи и съ ночи до утра: служить молебны съ акафистами, исповѣдуетъ, бесѣдуетъ и отъ приходящихъ къ нему отбою нѣтъ. Стали „сѣренькаго“ батю уважать не только солдаты, но и тѣ, кто готовъ былъ его осудить за деревенскую невзрачность.

Пастыри и пасомые.

✕ Нужно впрочемъ сказать, что общее отношеніе и офицеровъ и солдатъ къ священникамъ прекрасное: вѣж-

ливое, предупредительное и заботливое. Я это почувствовалъ и увидѣлъ съ первой минуты. Не могу забыть, какъ меня сердито прогнали съ позиціи и долго корили за неосторожность: въ одномъ изъ боевъ первыхъ я по неопытности подошелъ къ раненымъ, лежавшимъ еще въ полѣ, но въ такомъ мѣстѣ, которое было подъ сильнѣйшимъ обстрѣломъ. Выстрѣлы я слышалъ, но ихъ такъ много кругомъ, и куда они направлены, я не умѣлъ опредѣлять. На меня закричали со всѣхъ сторонъ и заставили уйти прочь. Потомъ я научился понимать, что значить свистъ пуль, и не скажу, чтобы онъ доставлялъ мнѣ удовольствіе. Я не забуду, какъ мы ночью хоронили убитыхъ, а я, чтобы видѣть лицо покойника, нажалъ кнопку электрическаго фонарика. Ту же минуту надъ головой раздалось „дззз“, „дззз“, „дззз“. Я фонарикъ поскорѣе спряталъ и дальше отпѣвалъ въ темнотѣ.)

Я очень люблю движеніе и по походѣ предпочитаю идти пѣшкомъ. Солдаты оцѣнили это по своему.

— Ишь, ты, нашъ батька какой—съ нами вшивыми все какъ есть вмѣстѣ: и походъ ломаетъ и разговариваетъ.

Разговоры съ ними всегда идутъ оживленные и самые разнообразные. Слышу напримѣръ такой вопросъ:

— Папаша, Расскажи-ка ты, что тамъ въ газетахъ новаго пишутъ?

Заговорилъ со мной солдатъ изъ бывшихъ фабричныхъ. Но ни въ тонѣ, ни въ содержаніи рѣчи не было и тѣни какого-либо неуваженія. Это было самое настоящее благодущіе. Не дожидаясь моего отвѣта, онъ сталъ рассказывать про себя: былъ пьяница, колотилъ жену и ребятъ. А теперь хорошо: и здѣсь не пьютъ, и тамъ жена пишетъ тоже тихо—водки нѣтъ. Дальше пошла уже почти исповѣдь.

Впрочемъ такая же простота отношеній устанавливается и съ офицерами. Слышу окрикъ.

— Батя, что это у васъ за любимцы въ четвертомъ батальонѣ. Бросьте ихъ—идите къ намъ.

Но такая короткость открываетъ большую возможность оказать иногда самую серьезную помощь, можетъ быть и доступную только священнику. Получаю, напимѣръ, изъ окоповъ записку отъ молодого офицера: „батюшка, я больше этого не могу выносить. Покончу съ собой...“

Разыскалъ его. Начало бесѣды было трудно: измотался нервно человекъ. Потомъ сталъ отходить, разрыдался до истерики. А потомъ помолились вмѣстѣ—и, славу Богу, окрѣпъ совершенно и воюеть теперь, помышляя лишь о томъ, какъ бы покончить съ австрійцами. Это случай не единственный, но эти случаи слишкомъ деликатны и говорить о нихъ нельзя...

Довѣреннымъ душевныхъ дѣлъ во всякомъ случаѣ приходится быть постоянно, а передъ боемъ я всегда бываю нагруженъ письмами, деньгами и вещицами для пересылки роднымъ и близкимъ.

Передъ боемъ и послѣ боя.

(Когда часть идетъ въ бой, я становлюсь на пути и благославляю воиновъ крестомъ.) Сперва я слышалъ нѣкоторые разговоры по этому поводу: это нервируетъ солдатъ. Но потомъ убѣдились, что благословеніе нервности не прибавляетъ, и вносить струю равновѣсія. Разговоры прекратились. Обычною является картина, когда спѣшно идущіе въ бой, торопливо цѣлуютъ крестъ и склоняютъ голову подъ благославляющую руку.

(Послѣ боя сразу же вмѣстѣ съ врачами приходится спѣшить къ раненымъ. Надо напутствовать умирающихъ. Они жадно ищутъ духовнаго утѣшенія и часто, обезсиленные, чтобы вымолвить слово, полными слезъ глазами благодарятъ за послѣднее утѣшеніе.)

Не могу забыть одного случая. Въ средѣ офицеровъ былъ молоденькій прапорщикъ (Полякъ, католикъ), котораго за его юность и милый характеръ всѣ называли не иначе, какъ уменьшительнымъ „Лева“. Со мной онъ былъ очень друженъ. Недѣли за двѣ до боя, гдѣ онъ былъ смертельно раненъ, Лева затосковалъ и упорно твердилъ, что въ ближайшемъ бою погибнетъ. Особенно тяжелое впечатлѣніе оставила у него всеобщая, которую я служилъ въ разгарѣ артилерійскаго боя.

— У васъ такіе хорошіе молитвенные напѣвы, а тутъ этотъ адъ,—говорилъ онъ.

Когда его принесли съ позицій раненаго, я спросилъ: Лева, что съ вами?

— Все кончено я пропалъ...

— Поправитесь, вылечать...

— Возьмите меня за ногу, жмите крѣпче. Я не чувствую вашего прикосновенія: значить, задѣтъ позвонокъ, а это смерть... Въ бумажникъ найдете деньги и письмо— отошлите матери. А этотъ браслетъ отошлите невѣстѣ. Адреса въ бумажникъ... а теперь прощайте батя, идите къ другимъ, васъ ждуть...

Лева протянулъ руки, положилъ ихъ мнѣ на плечи совсѣмъ такъ, какъ дѣлаютъ дѣти, когда хотятъ приласкаться, и крѣпко нѣсколько разъ поцѣловалъ.

Черезъ два дня я Навѣстилъ его. Онъ тихо догоралъ. Руки уже холодѣли, и смертная блѣдность покрывала лицо. У него до меня былъ ксендзь, который его напутствовалъ. Въ рукахъ у Левы былъ браслетъ, который онъ тихонько перебиралъ руками, не сводя съ него глазъ.

— Батюшка, дайте мнѣ руку, побудьте со мною...

Я остался сколько могъ—и на прощанье опять онъ крѣпко прижался къ моей груди, прося не забыть его порученій. Они исполнены.

Погребеніе.

(Хоронить убитыхъ большою частью приходится ночью. Всегда совершается отпѣваніе, хотя и сокращенное нѣсколько противъ обычнаго, но отпѣваніе. Не лишаемъ мы христіанскаго погребенія и австрійцевъ. Только надъ ними поемъ одно лишь „Святый Боже“, не исполняя всего обряда погребенія.)

* * *

(Богатую ниву для пастырской работы даетъ война. Почва такъ вспахана и разрыхлена, что остается только сѣять доброе сѣмя. Наша пастырская работа весьма облегчена тѣми указаніями, какія мы получаемъ отъ протопресвитера военнаго и морского духовенства Г. И. Шавельскаго. Онъ участвовалъ въ японской войнѣ, хорошо знаетъ боевую обстановку и ея условія, поэтому его инструкціи весьма практичны и для людей, незнакомыхъ съ войной, чрезвычайно цѣнны. Главнымъ же все-таки остается вѣрующая русская душа, которая всѣхъ заставляетъ особенно работать надъ дѣломъ вѣры. (Н. В.)

Г. Никаноровъ.

Божій пастырь.

Въ „Р. С.“ Гр. Петровъ рассказываетъ, какъ наши священники исполняютъ свой долгъ на войнѣ.

Въ одномъ дѣлѣ геройски палъ солдатъ Абрамовъ. До свѣта вырыли яму въ сторонѣ, на кладбищѣ, гдѣ были пѣхотные окопы, и закопали. На утро полковникъ жалѣлъ:

— Священника нѣтъ. отпѣтъ бы хорошо такого чѣловѣка, вѣдь Абрамовъ — герой!

Только сказалъ, глянулъ въ окно: подъ самымъ почти

домомъ, запорошенный снѣгомъ, идетъ монахъ.

Шагахъ въ ста упалъ снарядъ; разорвался, а онъ спокойно шелъ, даже не повернулъ головы въ сторону разрыва. Полковникъ—вѣстового:

— Видишь монаха?

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе.

— Проси его ко мнѣ.

Монахъ вошелъ въ тѣсную избу бѣдной польской семьи гдѣ въ одной комнатѣ ютились хозяева, а въ другой три офицера. Поздоровались.

— Откуда вы, батюшка?

— Изъ Сталлупенена.

— Какимъ способомъ?

— А апостольскимъ: пѣшкомъ. Прослышалъ, что здѣсь бои, и что люди пришли сюда издали, я и подумалъ: можетъ быть, погожусь имъ.

Офицеръ взялъ карту, разспросилъ монаха, какъ и гдѣ онъ шелъ. Оказалось монахъ прошелъ сюда за полторы сутокъ почти 50 верстъ.

Полковникъ ему свою просьбу:

— Хорошо бы отпѣть Абрамова.

— Конечно,—согласился монахъ.

— Нельзя,—вошелъ офицеръ съ улицы.—Нѣмцы, должно быть, готовятъ атаку на кладбище: такъ и сыплютъ снарядами. Скосили много деревьевъ, поломали чуть не всѣ кресты, разворотили нѣсколько могилъ.

— Я пойду,—твердо заявилъ монахъ.

Узнали солдаты,—вызвалось нѣсколько чѣловѣкъ итти пѣть.

— Только не толпою итти,—взразсыпную,—разрѣшилъ полковникъ.

Минуть черезъ 10—15 съ кладбища донеслось панихидное пѣніе. Словъ было не разобрать, но мягкіе, нѣжные,

такіе скорбныя звуки тихо стлались по полю. И, казалось не рыдаетъ, не стонетъ, а большою и чистою скорбью глубоко вздыхаетъ большое страждующее сердце. Снаряды— какъ оборвало, орудейная стрѣльба по кладбищу смолкла: нѣмцы пошли на наши окопы передъ кладбищемъ въ атаку. По кладбищу между деревьями изрѣдка только запѣли шальные пули:

— Пі-и-ю-ю, пі-и-ю-ю, пі-и-ю-ю!

Солдаты укрылись каждый за свое дерево. Одинъ монахъ какъ стоялъ на открытомъ мѣстѣ у могилы, такъ и остался. Вперилъ глаза въ нависшее снѣжными тучами небо и старческимъ теноркомъ не столько пѣлъ сколько говорилъ:

— Плачу и рыдаю, едва помышляю смерть и вижу на гробѣхъ лежащую по образу Божію созданную нашу красоту...

А впереди кладбища, не смолкая трещели ружья, такъ пулеметь. То вспыхивалъ ревъ, то обрывался. Смѣнялся кликомъ „ура“. И опять пальба и пальба.

Кончилась панихида. Солдаты, словно въ атаку, перебежкою катились снѣжнымъ полемъ къ окопамъ у избы, а монахъ, перекрестивъ ихъ вслѣдъ большимъ крестомъ, пошелъ вдоль кладбища къ линіи главнаго боя. Нѣмецкая атака тамъ была отбита, и нѣмцы, озлобленные пуще посылали по окопамъ и по кладбищу снаряды. Снаряды рвались впереди, справа и позади монаха, а онъ, высокій, старчески сутулый, шелъ и шелъ.

— Куда онъ?—дивились офицеры въ избѣ.—Его убьетъ, такъ... Ребята, крикни его кто-нибудь, зови сюда!

Выскочили, кричатъ, машутъ.

— Батюшка, сюда, сюда!.. Тамъ за кладбищемъ, опасно, — открытое мѣсто... Стрѣляютъ...

Монахъ остановился, прислушался. Уловивъ слова, снова перекрестилъ издали и такъ же твердо пошелъ даль-

Снаряды вокругъ него такъ и рвались, а онъ шелъ и шелъ. Солдаты и офицеры провожали его глазами, какъ зачарованные, и только шептали:

— Что—это—человѣкъ или приведеніе?.. Куда онъ?.. Ни одна пуля, ни снарядъ не трогаютъ.

Бъ вечеру узнали, что монахъ прямо подъ пулями вошелъ въ окопы, въ первую нашу линію, и, все не сгибаясь, медленно пошелъ. Окопы были неглубокіе. Земля здѣсь вездѣ болотистая. Ниже аршина уже вода. Солдатамъ приходилось сидѣть скорчившись.

Монахъ проходилъ рядъ за рядомъ окопы и благословлялъ солдатъ, сидящихъ на доскахъ, которыя хлюпали и чавкали подъ ногами. Солдаты жадно тянулись приложиться ко кресту, а монахъ властно твердилъ:

— Сидите, сидите! Не высовывайте головы. Берегите себя,—я наклонюсь до каждаго. Всѣ мы, вся Россія черезъ меня кланеется вамъ. Крѣпитесь голубчики! Терпите, милые!.. Храни васъ Богъ.

— Батюшка а вы?—остерегали его солдаты.—Нѣмецъ видитъ васъ...

— Божья воля!.. Вы же днями недѣли и мѣсяцы подъ огнемъ, а я что. Я одинъ... И старъ. Только могу подкрѣпить васъ духомъ... Спаси, Господи, люди Твоя,—начиналъ онъ спокойно и спокойно, мѣрно шелъ дальше, прерывая молитву.

— Сиди, сиди! Не высовывайся,—я наклонюсь до каждаго.

— Такъ и прошелъ подъ пулями по всѣмъ и по всей линіи нашихъ окоповъ,—говорили потомъ офицеры первой линіи—Мы его просили побережь себя. Твердртъ одно.

— Здѣсь не до бережки. Вы, молодые, въ огонь, а я... я свое уже отжилъ. Храни васъ Богъ!

И поняли ли вѣмцы, тронулись-ли видомъ священника

въ окопахъ, показалось-ли намъ,—но наши говорили потомъ, что гдѣ шелъ монахъ тамъ стихала пальба. Наши крестились и прекладывались ко кресту не стрѣляли. Не стрѣляли и нѣмцы. Монахъ часа два ходилъ [на виду нѣмецъ и не одна пуля не тронула его, а обычно нельзя было высунуться. Когда монахъ уходилъ, его просили остаться поѣсть, обогрѣться у командира въ землянкѣ,—отказался, взялъ только сухарей.

— Куда же вы? Какъ васъ зовутъ?

— Иеромонахъ Пантелеймонъ... Иду дальше. Тамъ новые иноки: вы всѣ здѣсь подвижники, труженники. Хочу обойти весь вашъ монастырь. Прошайте! Храни васъ Богъ!

Обернулся на всѣ линіи окоповъ, перекрестилъ крестомъ и пошелъ вдоль болотной опушки дальше. Снѣгъ падалъ и, какъ одною кисейною пеленой за другою, заволакивалъ его отъ глазъ оставшихся. Дунуль отъ болота вѣтеръ. Какъ нарочно, распахнулъ снѣжную пелену. Въ послѣдній разъ показалъ старика въ черномъ и донесъ пѣніе:

— ...и благослови достояніе Твое... (Кол.)

Женщина—звѣрь.

Прибывшій въ Петроградъ прапорщикъ Васильевъ, какъ очевидецъ, рассказываетъ слѣдующій случай звѣрскаго нападенія нѣмки на раненаго прапорщика Лузина.

— Изъ-подъ Лыка везли нѣсколько тяжело раненыхъ, въ томъ числѣ прапорщика Лузина съ перебитыми ногами, и меня, раненаго тремя пулями, съ раздробленіемъ костей. Я лежалъ въ одной фурманкѣ съ Лузинымъ: онъ съ краю, а я въ серединѣ. Состояніе его ранъ позволяло лежать ему только на животѣ.

Раненыхъ везли въ нѣсколькихъ фурманкахъ, въ сопровожденіи санитаровъ.

На полпути къ питательному пункту у дороги показалась лѣтъ 40—45 нѣмка, прилично одѣтая. Мы немного не доѣхали до нея, когда санитаровъ позвали къ фурманкѣ, идущей сзади насъ.

Когда поравнялись съ нѣмкой, я спросилъ ее: далеко ли до Р.? Но одновременно съ моимъ вопросомъ, Лузинъ простоналъ: „пить“!

Не отвѣчая на мой вопросъ, нѣмка по русски переспросила Лузина: „тебѣ пить?!“

Не успѣлъ тотъ и отвѣтить, какъ она выхватила изъ за пазухи кинжалъ-штыкъ и всадила по самую рукоятку въ спину Лузину. Бѣднякъ не успѣлъ и простонать, а уткнулся лишь лицомъ внизъ.

Я правой рукой схватилъ кинжалъ вмѣстѣ съ рукой нѣмки, когда та силилась выдернуть его изъ тѣла Лузина, закричалъ сопровождавшимъ солдатамъ и санитарамъ. Преступница была поймана на мѣстѣ, не успѣвъ оказать сопротивленія. Тѣло Лузина было оставлено въ ближайшемъ мѣстѣчкѣ. (Кол.).

О ВЪ Я В Л Е Н І Я .

Открыта подписка на 1915 годъ

XXVIII Г. ИЗД. „КОРМЧИЙ“ XXVIII Г. ИЗД.

Иллюстрированный, религиозно-нравственный и общественный журналъ.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНО (52 № ВЪ ГОДЪ).

ГЛАВНАЯ ЦѢЛЬ журнала—обслуживаніе духовн. запросовъ **православно-русской семьи,**

по этому и въ 1915 году, какъ и въ предшествующіе 27 лѣтъ, „Кормчій“ явится тѣмъ же старымъ, испытаннымъ другомъ, ведя своихъ читателей къ тихой и вѣрной пристани, путь къ которой уже давно указанъ Св. Православною Церковью.

„Среди множества духовныхъ періодическихъ изданій—„КОРМЧИЙ“ единственный журналъ, который даетъ каждой семьѣ православно-русского чело­вѣка благочестивое и понятное чтеніе“. (Церков. Вѣд. при Св. Свн. № 37, 1911 г.).

ВСѢ ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЬ БЕЗПЛАТНО

130 ПРИЛОЖ. 52 №№ Обзорѣнія церкви обществ. событій ПРИЛОЖ. 130

12 №№ иллюстрированныхъ листковъ „возрожденіе“

12 №№ книжекъ „Библиотека Кормчаго“

2 БОЛЬШ. КНИГИ КРОМЪ ТОГО: 2 БОЛЬШ. КНИГИ

1) „НА СЛУЖЕНІЕ СЛОВУ ХРИСТОВОЙ ИСТИНЫ“.

Сборникъ общественныхъ статей и поученій на воскресныя евангельскія чтенія церковнаго года.

2) „ВѢРА И ЖИЗНЬ“ Настольная книга для каждой право­славной семьи и прекрасное подспорье для вѣбогослужебныхъ чтеній.
(иллюстрированное изданіе .

Подписная цѣна за журналъ со всѣми бесплатными приложениями: за годъ съ достав. и перес. 4 руб. и 2 руб. 50 коп. за полгода.

Пробный № высылается за двѣ 10 коп. марки.

Адресъ: Москва, Большая Ордынка, д. 27, редакція журнала „Кормчій“.

Редакторъ издатель священникъ С. С. Липидескій.

2000
иллюстр
листочковъ.

3-я ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

100
разныхъ
названій

Все необходимо для пастырей и пасомыхъ!

ОТКРЫТА НА 1915 г. ПОДПИСКА

НА ЕЖЕМЪ-
СЯЧНЫЙ

„СЪЯТЕЛЬ“

ЖУРНАЛЪ,

усердно и успѣшно распространяющій въ народѣ

«КРУПИЦЫ ПИЩИ ДУХОВНОЙ»,

прекрасно изданные, умѣло подобранные, всѣмъ понятные
назидательн. листки въ 2000 листковъ всѣ съ **ДЛЯ** бесплатной раздачи
4 стр. больш. формата хорош. картин. народу.

Подписная цѣна съ пересылк.:

на 1 годъ 2000 листковъ . . 4 руб.
на 1/2 года 1000 листковъ . 2 руб.
на 3 мѣсяца 500 листковъ . 1 руб.

Въ отдѣльной продажѣ
подобные листки у другихъ издателей
за 1000 лист. 5—7 р. безъ пересылки,
а у насъ только 2 р. за тысячу листк.
(при томъ же съ цѣнной преміей-книж-
ками журнала) съ пересылкой.

ЦЕНТРЪ ТЯЖЕСТИ ИЗДАНІЯ:

борьба съ пьянствомъ, хулиганствомъ и прочими

ПОРОКАМИ.

Въ числѣ листковъ | **ЖИТІЯ СВЯТЫХЪ** | съ ясными изображеніи-
будутъ даны | | ями св. угодн. Воинихъ.

СПѢШИТЕ ПОДПИСАТЬСЯ!

Журналъ безъ отдѣльныхъ листковъ (2 изданіе) въ годъ всего только 1 р.
съ пересылкой. Дешевле лучше и больше въ Россіи никто дать не можетъ.
Почему же такъ дешево и хорошо, узнаете въ 1-мъ номерѣ, который обя-
зательно выйдеть и будетъ всѣмъ подписчикамъ рассылаться съ 15 го дека-
бря текущаго года.

При книжкахъ журнала въ теченіи года будутъ даны

множество прекрасно исполненныхъ картинъ

на мѣловой бумагѣ, между прочимъ 100 портр. дѣят. трев.

О.о. Благочиннымъ, а также и всѣмъ подписчикамъ при одно-
временной годовой подпискѣ на каждые 10 экзempl. 1 экзempl. **бесплатно**

Своевременный и аккуратный выпускъ очередныхъ номеровъ обезпеченъ

Испытайте, подпишитесь пока на 3 мѣсяца за 1 рубль.
и узнаете и навсегда останетесь подписчикомъ на „Съятель“.

Адресъ: г. Уфа, редакціи журнала „Съятель“.

Редакторъ-издатель священникъ *И. Хохловъ*.

Журналъ нашъ одобренъ и уже успѣлъ найти многихъ подражателей, стара-
тельно копирующихъ не только нашъ планъ изданія, но даже и объявленія
наши. Но вѣдь всѣмъ извѣстно, что копія всегда далеко по достоинству
отъ подлинника.

Изданіе чисто идейное. Редакторъ-издатель довольствуется черствымъ кус-
комъ хлѣба.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 годъ

(5-ый годъ изданія).

„ПЧЕЛОВОДЪ“

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ОБЩЕДОСТУПНЫЙ

иллюстрированный журналъ практическаго пчеловодства.

ЦѢЛЬ ИЗДАНІЯ—создать такой органъ, который былъ бы доступенъ — и по цѣнѣ, и по содержанію, — всемъ пчеловодамъ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

- 1) Бесѣды пчеловодныя.
- 2) Статьи оригинальныя, главнымъ образомъ практич. сод.
- 3) Статьи переводныя, такого же содержанія.
- 4) Пчеловодная жизнь (хроника).
- 5) Отзывы о книгахъ и вообще о пчеловодныхъ изданіяхъ.
- 6) Вопросы и отвѣты.
- 7) Смѣсь.
- 8) Объявленія г.г. подписчиковъ.
(Каждый подписчикъ имѣетъ право помѣщать свои объявления за плату по 10 коп. строка).
- 9) Объявленія.

Редакторъ-издатель *М. А. Дерновъ.*

Цѣна съ пересылкою.

1 годъ.....	60 коп.	✚	Отдѣльный №	7 коп.
1 мѣсяць.....	5 „	✚	За границу	80 „

наложеннымъ платежемъ журналъ не высылается.

Адресъ: Петроградъ, Матвѣевская ул., д. № 11 журналъ «Пчеловодъ».

«Пчеловодъ» за 1912 г., 1913 г. и 1914 г. по 75 коп. съ пересылкой.

«Пчеловодъ» за 1911 г.—весь разошелся.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ

(десятый годъ изданія).

„ПЧЕЛОВОДНАЯ ЖИЗНЬ“

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

== ПРОГРЕССИВНАГО ПЧЕЛОВОДСТВА. ==

Выходить два раза въ мѣсяцъ (24 №№-ра въ годъ)
книжками въ 3 листа.

Задача журнала—возможно вѣрнѣе и полнѣе отражать современную пчеловодную жизнь и быть органомъ русскихъ пчеловодовъ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

- 1) Къ читателямъ.—2) Хроника.—3) Оригинальн. статьи.—
- 4) Переводныя статьи.—5) Изъ міра науки.—6) Вѣсти съ пасѣкъ.—7) Изъ дѣятельности земствъ.—8) Изъ дѣятельности пчеловодныхъ обществъ.—9) Законы и распоряженія правительства, касающіеся пчеловодства.—10) Отовсюду.—
- 11) Библіографія.—12) Изъ переписки съ пчеловодами.—
- 13) Изъ прошлаго.—14) Вопросы и отвѣты.—15) Смѣсь —
- 16) Списокъ книгъ, поступающихъ въ редакцію.—17) Почтовый ящикъ (письма въ редакцію).—18) Извѣщенія г.г. подписчиковъ.—Объявленія.

Журналъ „Пчеловодная Жизнь“ посвященъ, главнымъ образомъ, практическому пчеловодству. На страницахъ журнала сообщается обо всемъ выдающемся и о всѣхъ новинкахъ въ области пчеловодства, появляющихся, какъ въ Россіи, такъ и за границей. Въ журналъ „Пчеловодная Жизнь“ принимаютъ участіе всѣ выдающіеся русскіе пчеловоды. Журналъ „Пчеловодная Жизнь“ является бесплатнымъ совѣтчикомъ: за восемь лѣтъ дано до 2,500 бесплатныхъ отвѣтовъ.

Наконецъ, каждый годовой подписчикъ пользуется правомъ помѣстить бесплатное объявленіе въ отдѣлѣ „Извѣщенія подписчиковъ“ 1 разъ въ 10 строкъ.

Редакторъ-издатель *М. А. Дерновъ.*

Цѣна съ пересылкою:

1 годъ 3 руб. — коп. ❀¹/₂ года 1 руб. 50 коп.
1 мѣсяць . . . — „ 25 „ 3 мѣсяца . . . — „ 75 „

Отдѣльный №-ръ 15 коп.

Допускается разсрочка по 1 руб. въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ года. За наложный платежъ 25 коп.

„ПЧЕЛОВОДНАЯ ЖИЗНЬ“ (съ перес.) за 1906 г., 1908 г., 1912 г. и 1913 г. по 2 руб., за всѣ 4 года—6 руб. съ пересылкой.

„ПЧЕЛОВОДНАЯ ЖИЗНЬ“ за 1907, 1909, 1910, 1911 и 1914 г.г. вся разошлась.

ПОДПИСКУ АДРЕСОВАТЬ: Петроградъ, Матвѣевская ул.
д. № 11. „Пчеловодная Жизнь“.

О Т К Р Ы Т А П О Д П И С К А

На 1915 годъ.

Издательство В. М. СКВОРЦОВА.

Дастъ своимъ подписчикамъ

За 12 руб.

3 періодическихъ органа и 5 названій

ОТДѢЛЬНЫХЪ ИЗДАНІЙ, А ИМЕННО:

Ежедневная политическая, общественная и церковная газета.

„КОЛОКОЛЪ“

X г. изд.
въ годъ
300 №№

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
годъ. Полгода 1 мѣсяць.
6 р. 3 р. 50 к.

Еженедѣльный иллюстрированный, апологетическій, проповѣдническій и духовно беллетристическій журналъ

VII г. изд.
52 №№

„ГОЛОСЪ ИСТИНЫ“

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
на годъ полгода.
3 р. 1 р. 50 к.

Годовые подписчики и на газ. «КОЛОКОЛЪ» и журн. «ГОЛОСЪ ИСТИНЫ» вносятъ за оба изданія только 8 руб. и получаютъ бесплатно

Сочиненіе **Разоблаченіе Тайнъ Масонства.** Шавла Николо.
(Безплатное приложеніе къ журналу «Голосъ Истины».)

2 части съ предисловіемъ епископа Перари Жуана. Перев. Валентины Коршъ.

Сверхъ того въ фельетонахъ газеты «КОЛОКОЛЪ» будутъ напечатаны два высоко-художественныхъ произведенія, а именно.

„На зарѣ благодати“

романъ изъ первыхъ временъ христіанства, **Попова Пермскаго**, автора «Живыхъ факеловъ и философскихъ этюдовъ «Зло» и «Счастіе».

„ХРИСТІАНКА“

Повѣсть изъ современной жизни Франціи. Переводъ Мазуренко.

XX г. изданія.
ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

„МИССИОНЕРСКОЕ

Подписная цѣна:
годъ. полгода.

12 №№

съ 4 бесплатными приложеніями въ годъ.

ОБОЗРѢНІЕ“

6 р. 3 р.

150 №№ **Православный Благовѣстникъ.**

Двухмѣсич. 6 вып.

Путеводитель въ живомъ словѣ пастыря-проповѣдника и учителя вѣры и нравственности.

Сборникъ подробныхъ проповѣдическихъ конспектовъ и схемъ на всѣ воскресныя и праздничныя церковныя службы, виѣбогослужебныя и миссіонерскія бесѣды въ кругу 1915 церковнаго года.

ЧУДЕСА И ЗНАМЕНІЯ НАШЕГО ВРЕМЕНИ. Сборникъ религіозно-назидательныхъ разсказовъ міра таинственнаго, расположенныхъ въ порядкѣ катихизическаго ученія о вѣрѣ.

Пособіе для церковныхъ поученій и христоматія для чтенія въ семьѣ и школѣ.

Церковные вопросы на думской каедрѣ.

И

Исторія и обличеніе новыхъ рационалистическихъ сектъ.

Вновь переработанное сочиненіе Н. Гумилевскаго.

(Будетъ печататься особымъ счетомъ страницъ въ «Мисс. Обзор.» 1915 г.).

Подписавшіеся на всѣ изданія и приложенія

ВМѢСТО 20 руб. ПЛАТЯТЪ ТОЛЬКО 12 руб.

и въ 1915 получать: 300 №№ ежедневн. газ. „Колоколъ“. 52 № еженед журн. „Гол. Истины“. 12 №№ ежемѣсячн. журн „Мисс. Обзор.“ 6 выпуск. «Прав. Благов.» и 4 книжки безплатн. приложеній.

РАЗСРОЧКА ДОПУСКАЕТСЯ для подписавшихся на всѣ изданія; При подпискѣ 9 р. къ 15 іюля 3 р.

Г. г. возобновляющіе подписку, если не могутъ почему-либо выслать къ 1-му января подписные деньги, благоволятъ не позже 15-го декабря с. г. прислать открытку съ извѣщеніемъ: — подписку прошу возобновить на такия-то изданія, деньги высланы будутъ тогда-то и приклеить свой адресный билетикъ 1914 года.

Подписку просимъ избѣгать направлять чрезъ книжныя магазины, такъ какъ редація и адресатъ теряютъ 5%, а адресовать исключительно на редакцію: Петроградъ, Невскій, 153, Редація „Колоколъ“.

Издатель-Редакторъ **В. М. СКВОРЦОВЪ.**

Редакторы: **И. И. Высоцкій** и **В. Ф. Смирновъ.**

XXXI г. изд. О ПОДПИСКѢ въ 1915 г. XXXI г. изд.

на еженедѣльный иллюстрированный
журналъ путешествій и приключеній

ВОКРУГЪ СВѢТА

Кромѣ 50 №№ журнала подписчики получаютъ:

по I абонементу:

36 книгъ поднаго собранія романовъ, повѣстей, драмъ, избранныхъ историческихъ сочиненій и стихотвореній.

ВИКТОРА ГЮГО

съ критико-биографическимъ очеркомъ. Въ 1915 году исполняется XXX-лѣтіе со дня смерти этого гениальнаго писателя и поэта, въ произведеніяхъ котораго отразилась вся жизнь Франціи, ея исторія и національный духъ французскаго народа.

Содержаніе 36 книгъ.

Романы и повѣсти: Соборъ Парижской Богоматери.—Отверженные.—Труженники моря.—Человѣкъ который смѣется.—Десятисто третій годъ.—Ганъ Иславдець.—Вюгъ Жаргаль.—Послѣдній и й день приговореннаго.—Клодь Ге.

Драматическія произведенія. Эми—Робсартъ.—Кромвель—Торквемада.—Маріонъ де-Лормъ.—Король забавляется.—Лукреція Борджія.—Марія Тюдоръ.—Рюи Блазь—Бургграфы.—Эрнани.—Анджело—Эсмемальда.—Близнецы.

Историческія сочиненія: Исторія одного преступленія (Наполеонъ III и франко-прусская война 1870 г.).—Изъ видѣннаго.

Избранныя стихотворенія изъ сборниковъ: Оды и баллады.—Восточные мотивы.—Осенніе листья.—Легенды въ ковѣ.—Внутренніе голоса.—Свѣтъ и тѣнь.—Пѣсни сумерекъ.—Возмездіе.—Пѣсни улицъ и лѣсовъ.—Созерцанія.—Настроенія.—Роковые годы.—Грозовая година.—Искусство быть дѣдомъ.—Моя лира.

по II абонементу:

12 книгъ собранія сочиненій американскаго писателя

Брэтъ-Гарта

Разсказы Брэтъ-Гарта посвящены природѣ американскаго дальняго запада, разбойничьимъ и охотничьимъ ПРИКЛЮЧЕНІЯМЪ и калифорнійскимъ золотискателямъ.

12 роскошн. иллюстр сборниковъ „Міровая война въ разсказахъ и иллюстраціяхъ“.

Военные разсказы.—Дневники участниковъ и очевидцевъ.—Описанія выдающихся эпизодовъ и сраженій на сушѣ, битвъ въ воздухѣ, на водѣ и подъ водой и подвиговъ ея героевъ.

12 книгъ сочиненія французскаго географа **ЭЛИЗЕ РЕКЛЮ**

„Народы и страны Западной Европы“

въ новомъ переводѣ и съ дополненіями члена географическаго института имени Э. Реклю, въ Брюсселѣ, Н. К. Лебедева.

Богато иллюстрированное изданіе.

Содержаніе 12 книгъ:

I. Франція — II. Великобританія — III. Бельгія — IV. Германія. — V. Австро-Венгерія — VI. Италія. — VII. Швейцарія. — VIII. Испанія и Португалія. — IX. Греція, Европ. Турція и Болгарія. — X. Румынія. — Сербія. — Черногорія и Албанія — XI. Голландія и Данія. — XII. Швеція и Норвегія.

по III абонементу:

Кромѣ 50 №№ журнала, всѣ приложенія къ 1 и 2 абонем., а именно 36 книгъ полнаго собр. соч. **ВИКТОРА ГЮГО**, 12 книгъ собр. соч. **БРЭТЬ-ГАРТА**, 12 сборник „Міровая Война“ и 12 книгъ соч. **ЭЛИЗЕ РЕКЛЮ** „Народы и страны Звладной Европы“.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ: 1 и 2 абонем. по 7 р.; 3 абонем.—12 р. Допускается разсрочка подписной платы: для 1 и 2 абон.— 3 р. при подп., 2 къ 1 апр. и 2 р. къ 1 іюля, для 3 абонем.—5 р. при подп., 4 р. къ 1 апр. и 3 р. къ 1 іюля.

Подписчики 1 абон. заявившіе при подпискѣ о желаніи получать, кромѣ 36 книгъ сочин. Виктора Гюго, любое изъ трехъ приложеній II абонем (по своему выбору) уплачиваютъ 10 р. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р., къ 1 апр 3 р., къ 1 іюля 3 р.

Контора журнала „Вокругъ Свѣта“. Москва, Тверская, домъ № 48.

3-3

СОДЕРЖАНІЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ЧАСТИ:

Бесѣды пастыря съ пасомыми.—Священника *Петра Сертвеа*.
Цѣinnostь души — *В. Бахметьева*.
Крестъ на войнѣ.—*И. Никанорова*.
Божій пастырь.
Женьщина-звѣрь.
Объявленія.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи *Архимандритъ Серафимъ*.

Печатать дозволяется. 29 марта 1915 г. Цензоръ Протоіерей А. Сласскій.

Воронежъ. Типо-Лит. «Т-ва Н. Кравцовъ и В^о», В. Дворянская ул. д. Сомова.